

Каразин Николай Николаевич

"В песках"

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
"В песках": Повести и рассказы / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-88199-9

Содержание. 1 Дауд-караван-баш; 2 Таук; 3 Ночь под снегом; 4 Наурус и Джюра братья "кудукчи"; 5 Тюркмен Сяркей; 6 Как Чабар Мумын берег вверенную ему казенную почту

ISBN 978-5-519-88199-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этихъ костровъ собирались собесѣдники, образуя живописно освѣщенные, характерныя группы.

Чего-чего нельзя было-бы наслушаться вволю, подойдя и присѣвъ къ одной изъ такихъ группъ. Были разговоры политическіе—о ханахъ, разныхъ правителяхъ, о самомъ эмирѣ даже... Азіаты вообще большіе любители политическихъ темъ—перетолковывая все по своему, освѣщая серьезныя, часто величественныя роковыя событія своимъ юморомъ, доходящимъ иногда до злой и мѣткой сатиры... Вѣдь тутъ свобода: кругомъ мертвая пустыня, все свои, подслушать некому, риска никакого...

Разсказывались разнообразныя дорожныя происшествія, случаи охоты и войны... Хвастовство доходило иногда до предѣловъ гомерическихъ; говорили о вещахъ изъ міра таинственнаго:—о злыхъ духахъ о привидѣніяхъ, о разныхъ такихъ ужасахъ, что у наивныхъ лаучей потому только волосъ на головѣ не поднимался дыбомъ, что, по мусульманскому обычаю, головы должны быть всегда гладко обритыми... Сувевріе азіатовъ развито до крайнихъ предѣловъ—и фантастическій міръ чудесъ здѣсь богатъ, какъ нигдѣ, давая безконечный матеріалъ для бесѣдъ—особенно ночью, когда нервы лучше для того настроены и не развлекаются обыденными заботами деннаго перехода.

Разъ какъ-то, выступивъ съ ночлега передъ самымъ восходомъ солнца, мы почти до полудня любовались удивительно яснымъ и красивымъ миражемъ—степнымъ маревомъ... Сначала надъ горизонтомъ протянулась блестящая полоса—ну, совершенно водная поверхность... за нею появились точно синеющія горы и отразились въ мнимой водѣ, усиливая иллюзію... значительно выше этихъ горъ появились правильныя очертанія фантастическихъ зданій—какихъ-то куполовъ и минаретовъ; надъ ними, еще

выше, эти очертанія повторились въ опрокинутомъ положеніи. . и вдругъ,—ну, совершенно ясно, довольно высоко надъ горизонтомъ показалась фигура верблюда, за нимъ другая и такъ цѣлый караванъ, медленно двигающійся съ сѣвера на югъ, пересѣкая свѣтлый лучъ солнца, пронизывающій поверхность озера-призрака. . Минуты двѣ тѣни фантастическихъ верблюдовъ дефилировали въ воздушномъ пространствѣ и какъ-бы растаяли въ ослѣпительной блескъ утренняго солнца; но именно они—эти верблюды—произвели на людей нашего каравана потрясающее впечатлѣніе...

Стихъ разговоръ... лаучи боязливо стали переглядываться... даже самъ старикъ караванъ-башъ нахмурился, почесалъ свой загорѣлый затылокъ и всю дорогу сохранялъ молчаніе—только его сухія губы шевелились, творя молитвенныя заклинанія...

Сначала я не обратилъ особеннаго вниманія на впечатлѣніе; произведенное миражемъ; я не зналъ еще, что его произвело именно это красивое и капризное зрѣлище, но когда мы пришли на почлегъ—дѣло объяснилось...

Подойдя къ огню, гдѣ собрались лаучи, я услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ произнесъ:

— Ну, не быть добру!..

— Не быть! — безнадежно вздохнулъ другой.

— Ужъ если проклятый «ДAUDKиHъ» караванъ видѣли,—тогда уже что!.. хоть ворочайся... экое горе!..

— Напрасно!—перебилъ тутъ третій...—Видѣть его такъ, какъ мы видѣли, еще полъ-бѣды... мы вѣдь бубенцовъ не слыхали... не на встрѣчу намъ шелъ, а мимо... даже не пересѣкъ дорогу, совсѣмъ въ сторонѣ—это не бѣда!

— Говори!.. а все лучше, коли-бы его вовсе не видать.

— Лучше-то лучше...

— Разъ было со мною,—началъ, помолчавъ, первый...—Стали мы ночлегомъ у Иркибая... ну, ничего—стоимъ .. Ночь темная-претемная, костеръ догоралъ, чуть тлѣть... всѣ заснули, а мнѣ не спится—лежу да думаю .. Вдругъ, слышу: динь-динь-динь, да такъ явственно... Опять: динь-динь-динь, да близко... Только подумалъ, да и похолодѣлъ весь... слышу, сопить верблюды, другой за нимъ... бубенцы динь-динь... а не наши; наши то въ той сторонѣ паслись, а эти тутъ вотъ проходятъ. Аллахъ милосердный, думаю, не попусти—и, охъ, братцы мои!.. слышу, какъ кости застучали... пощелкиваютъ одна о другую.. словно кто ихъ въ мѣшки встряхиваетъ... Ну, смекаю, самъ «Даудка!»—пропали теперь наши головы! Хочу молиться—языкъ остылъ, не ворочается; хочу вскочить, людей будить—словно приросъ къ землѣ. Послѣ уже рассказываю, а опи дьяволы, не вѣрятъ, смѣются... Что-же бы вы, думали?—на слѣдующую-же ночь, только успѣли скотину развьючить, налетѣли изъ-за бархановъ черти текинцы, изъ подъ Мерва—двоихъ зарѣзали, скотину забрали, товаръ весь тоже... и насъ увели въ неволю... Хорошо-успѣлъ убѣжать съ дороги, а то и по сихъ поръ томился бы у этихъ собакъ, да у чигирей, какъ ишакъ; воду-бы накачивалъ...

— Бываетъ!

— Да, вотъ что значитъ Даудкинъ караванъ, не то что видѣть,—услышать только... Бѣда!

Эти разговоры заинтересовали меня настолько, что я рѣшилъ добиться подробнаго объясненія; но охотниковъ просвѣтить меня на этотъ счетъ оказалось разомъ такъ много, что нельзя было добиться

никакого толку. Спасибо, выручилъ самъ караванъ-башъ, но онъ не рѣшился рассказывать ночью, а пообѣщалъ сдѣлать это днемъ, во время перехода.

И вотъ что онъ мнѣ рассказалъ про страшный караванъ-призракъ Даудки-колченогаго:

Волею Божьею умеръ богатый, старый караванъ-башъ *) Джемаль-Магометъ и передъ смертью успѣлъ распорядиться своимъ громаднымъ состояніемъ.

Остались послѣ покойнаго большія деньги—тѣ пошли родственникамъ поровну; остались двѣ тысячи верблюдовъ—тѣхъ подѣлилъ покойный между своими слугами, и подѣлилъ такъ справедливо, что недовольныхъ не оказалось.

Старый Джемаль-Магометъ любилъ своихъ верблюдовъ, заработавшихъ ему своими спинами и почетъ, и богатство, и не хотѣлъ отдавать ихъ въ чужія руки. Кто ходилъ за ними, кто ихъ кормилъ и холилъ, тотъ и сталъ ихъ хозяиномъ. Послѣдній лауча **) и тотъ получилъ свою долю.

Такимъ образомъ, лѣнивый, неповоротливый, послѣдній между товарищами лауча, забитый, заруганный—Даудка-колченогій—и тотъ сталъ владѣльцемъ семи верблюдовъ, съ сѣдлами, войлоками, съ цвѣтисто-убранными уздечками, съ полнымъ запасомъ волосяныхъ вьючныхъ аркановъ.

Поднялъ свою голову батракъ, собралъ жалованную вязку ***) , гордо сѣлъ на спину передняго верблюда и отправился въ путь, подальше отъ

*) Караванъ-башъ—глава каравана.

**) Лаучи — рабочіе при караванѣ — верблюдовожатые.

***) Вязка—партія верблюдовъ—цѣпью безъ перерыва, не болѣе семи.

насмѣшекъ, отъ завистливыхъ глазъ, отъ всего, что ему напоминало прежнюю жизнь, прежнія отношенія.

Несмѣтнымъ богатствомъ казались ему эти семь здоровыхъ, широкоребрыхъ верблюдовъ, шагавшихъ мѣрною поступью, побрякивавшихъ своими бубенчиками... И въ головѣ ихъ новаго владѣльца весело играли, одна нагоняя другую, разнообразныя, радостныя мысли и предположенія.

Не легко было сообразить Даудкѣ-колченогому— сколько именно будетъ онъ зарабатывать спинами этихъ семи верблюдовъ, семью, значить, полными двойными व्यюками?... Многое надо принимать въ расчетъ: и куда нанимаютъ товаръ везти, и какой товаръ,—въ какое время года, на какіе сроки... все вѣдь условія разныя... Гдѣ тутъ сообразить! Младшіе караванъ-баши, подручные покойнаго Джемалья,—тѣ живо смекали, какъ и сколько взять надо, а гдѣ-же Даудкѣ-колченогому! онъ и счета не зналъ больше какъ до ста, да и то десятки зубомъ на камышинѣ надкусывая.

Соображалъ только Даудъ, что деньги теперь будутъ и не малыя, что прошла пора лишеній и проголоди, что, пожалуй, можно будетъ и самому принять работника и надъ тѣмъ работникомъ вволю куражиться, свое бывшее вымещать.

Весело Даудкѣ колченогому, не вспомнилъ на радостяхъ даже, что надо-бы зайти поклониться, проститься передъ отходомъ, на могилу великодушнаго стараго хозяина.

Шелъ Даудъ день, шелъ всю ночь, напоилъ только верблюдовъ передъ заходомъ солнца, и къ утру пришелъ въ городъ, прямо на базарную площадь.

Здѣсь онъ уложилъ верблюдовъ кольцомъ, головами внутрь, засыпалъ имъ свѣжаго саману, а самъ

зашелъ въ чай-хане, гдѣ спросилъ себѣ чаю, лепешку и дыню, и объявился, что, дескать, новый караванъ-башъ прибылъ, ждетъ напимателей, купцовъ съ товаромъ, что верблюды у него отмѣнные, на всемъ базарѣ лучшіе. А уже какъ везти товаръ, какъ его выучить и отъ непогоды хранишь, это все самъ караванъ-башъ отлично знаетъ, потому—недаромъ лучшимъ подручникомъ считался у извѣстнаго, досточтимаго Джемалъ-Магомета, — «да устроить Аллахъ его душу на самомъ лучшемъ положеніи»!

Посчастливилось Дауду-колченогому.

Немного за полдень перешло, и купецъ наниматель съ товаромъ нашелся: какъ разъ семь верблюдовъ понадобилось и требовались верблюды надежные, кормленные, нахоженные, потому что путь предстоялъ трудный, длинный, черезъ мертвую пустыню, по сыпучимъ пескамъ, до города Ургенча.

Сто разъ солищу подняться надо, сто разъ спуститься, пока до того города добраться можно...

Стали торговаться, сговариваться.

— Почемъ съ верблюда возьмешь?—спрашиваетъ купецъ-наниматель.

Молчить, соображаетъ Даудъ... Въ потъ его ударило, а сообразить никакъ не можетъ.

— Ну, что-же ты?

Вздрогнулъ Даудъ, посмотрѣлъ тоскливо,—надо же слово вымолвить...—По два тилля,—говорить...—Только настоящихъ золотыхъ, чтобы безъ обрѣза и безъ дырочекъ...

Много народу собралось въ чай-хане слушать торгъ... Да какъ всѣ расхохочутся... Гулъ пошелъ подъ базарными сводами...

Понялъ Даудъ, что это надъ нимъ смѣются, а не можетъ понять, въ чемъ именно дѣло, что его на смѣхъ поднимаютъ?.. Не запросилъ ли зря больно дорого?..

— Я... что же,—забормоталъ онъ...—Оно можно и сбавить.. Поторгуюемся... Гляди—верблюды-то каковы!..

А хохогъ на базарѣ еще громче, еще веселѣе гремитъ... подсвистывать даже начали...

— Да ты самъ ходилъ-ли по этому пути одинъ?—спросилъ Дауда наниматель.

— Какъ не ходить!.. ходилъ!.. Я дорогу вотъ все равно, какъ вотъ эту ладонь, знаю!

И Даудъ развернулъ ладонь и сталъ водить по ней своимъ пальцемъ.

— А сколько же бралъ съ верблюда твой бывшій хозяинъ Джемаль?

— А я почему знаю!.. Я въ хозяйскія дѣла не мѣшался.. Мнѣ что! Я свое дѣло справлялъ: «Даудка-собака, качай воду!..» накачалъ... «Даудка, тхни конецъ!»—потянулъ. «Даудка, паси верблюдовъ!»—пасу.—Вотъ мои дѣла... А дорогу я хорошо знаю.

— Простота ты, я вижу,—говоритъ наниматель.—Да такой для меня лучше. Уговоръ сдѣлаемъ здѣсь, при свидѣтеляхъ. Мулла вотъ и запишетъ въ книгу и товаръ мой переписетъ, потому товаръ цѣнный,—не хлопокъ повезешь, не пшеницу, а шелкъ, бархатъ, парчу и цѣнныя ткани изъ невѣрныхъ земель,—ференчи настоящія... чай дорогой—зеленый, и одинъ тюкъ травъ лекарственныхъ... Все это требуетъ упаковки тщательной, подлежитъ строгому охраненію, потому за одинъ только полувыюкъ всѣхъ твоихъ верблюдовъ купить можно.

Даже холодомъ обдало Дауда при исчисленіи всѣхъ этихъ сокровищъ; глубокимъ вниманіемъ проникся онъ къ нанимателю.

— Дѣлай какъ знаешь, рассчитывай по своему. Приказывай!..

Пришелъ мулла, съ нимъ два базарныхъ акса-

кала, четвертымъ свидѣтелемъ—хозяинъ чай-хане. При всѣхъ утвердили сдѣлку: по семи тиллей за вьюкъ: половину сейчасъ, половину по доставкѣ товара на мѣсто. Отсчитали деньги караванъ-башу, а у того руки трясутся и спрятать такую уйму золота ему некуда... однако догадался. Спустилъ рукавъ халата, завязалъ внизу на-крѣпко ссыпалъ туда, какъ въ мѣшокъ, и еще перевязалъ сверху. Ладно будетъ!

— Смотри, не снимай халата, когда спать будешь ложиться!—смѣются зрители.

— Пакорми скотину свою лучше,—сказалъ наниматель,—а завтра приводи ко мнѣ на дворъ... Саидъ-Азима-бая всѣ здѣсь въ городѣ знаютъ.

— Ладно!—приободрился Даудъ колченогій, пошевеливая плечомъ, каково пріятно потягиваетъ золотоносный рукавъ.—Будь благонадеженъ!.. будутъ готовы верблюды... завтра повьючимся спозаранку и выступимъ до жара.

— Дешево нанялся!—хлопнулъ его по плечу хозяинъ чай-хане, когда Саидъ-Азимъ-бай удалился.

— Что-же, заказывай для всѣхъ свидѣтелей чаю, да вели пловъ варить... Не знаешь что-ли обычая!

— Что-же, коли такой обычай есть—готовь!.. Я не отступаю!

— Вотъ молодчина! Ты знаешь-ли, что у того купца самая легкая рука во всемъ городѣ. Съ его руки далеко пойдешь!.. Другіе по недѣлѣ стоятъ, нанимателей ждутъ, прохарчатся до послѣдней нитки, задолжаются, а тебѣ сразу повезло. Иди подъ навѣсъ, садись на почетное мѣсто, ты вѣдь угощаешь... Распоясывайся!

И торжествующаго Даудку колченогаго, теперь уже ставшаго Даудъ-баемъ, повели подъ руки и усадили на груды стеганныхъ ватныхъ одѣялъ, да еще подушку ковровую подложили подъ локоть.

Далеко за полночь пропировали названные друзья и приятели, угощаясь на счетъ «многоуважаемаго караванъ-баши Даудъ-бая почтеннѣйшаго». Платилъ тотъ,—про себя только ругался... жалко стало рукавъ развязывать; зато и научился нашъ Даудъ многому:—каждый норовилъ совѣтъ дать да поученіе, каждый объяснялъ и указывалъ, что съ деньгами можно сдѣлать, какъ изъ одного тилля—два дѣлается. Особенно одинъ, кто-то, все на самое ухо нашептывалъ и откуда появился этотъ, неизвѣстно. Между свидѣтелями договора его не было... Лицомъ черенъ, а халатъ красный какъ огонь, говоритъ тихо, губами сухими не шевелить, никто его другой будто и не слышитъ, а въ ушахъ Дауда только его слова и звенятъ, чужія рѣчи заглушаютъ...

— Деньги, другъ мой, все! съ ними и почетъ, и счастье! за деньги и чести сколько угодно купить можно,—говоритъ красный халатъ,—а безъ денегъ что?.. «Даудка, собака, качай воду!.. Дуй по затылку Даудку-собаку!» Такъ-то!..

.
Опился чаемъ Даудъ, вволю наѣлся плова, поясъ пришлось перепоясывать... отоспался къ утру и, помня договоръ, привелъ свою вязку къ росписнымъ воротамъ Саидъ-Азимовой сакли.

Стали выючить драгоценную кладь. Самъ купецъ наблюдалъ за выючкою, ковры цвѣтные вынесли, чтобы сверху покрыть... Красота!.. словно самого Эмира кладь везутъ...

Саидъ-Азимъ снаряжалъ въ путь съ этимъ караваномъ своего младшаго сына любимаго, красавца Ахмета,—что свою начиналъ торговлю.

Стали прощаться отецъ съ сыномъ. Утеръ Саидъ-Азимъ слезу парчевымъ рукавомъ халата, махнулъ рукою и ушелъ въ глубину воротъ.

— Ну, расторговывайся! начинай свое самостоятельное дѣло... Богъ тебѣ на помощь... не забывай родителей!..

— Прощай, отецъ!.. Вернусь живъ-здоровъ... Благополучно... Гайда!

Тронулся караванъ.

На переднемъ верблюдѣ караванъ-башъ Даудъ, за нимъ, голова къ хвосту, на вольной привязи, остальные шесть верблюдовъ, сзади, на росломъ темно-сивомъ ишакѣ Ахметовъ работникъ Джюра, а самъ Ахметъ, верхомъ на статномъ рыжемъ аргамакѣ, гарцовалъ то съ одного бока, то съ другого, гдѣ ему по вѣтру удобнѣе, куда пыль не относить, воздухъ полегче.

Тихо потянулся нарядный караванъ по узкимъ, глухимъ улицамъ города... Вотъ базарную площадь миновали... Народъ галдитъ, руками машетъ, всѣ счастливаго пути желаютъ молодому купцу Ахмету. Видитъ Даудъ—стоитъ его вчерашній знакомецъ, красный халатъ... далеко отъ него, чуть не черезъ всю площадь отсюда, а слышитъ караванъ-башъ, какъ тотъ говоритъ:

— Что! хорошо быть купцомъ богатымъ!.. лучше чѣмъ Даудкою-собакою!..

— А чтобъ ты сквозь землю провалился!—проворчалъ Даудъ.

И только онъ это слово промолвилъ, сгинулъ красный халатъ. Огонь большой развелъ пельменьщикъ въ той сторонѣ, такъ дымомъ того затянуло.

Прошли еще съ полчаса улицами. Пространно раскинулся городъ!.. добрались до наружной стѣны. Въ темной рамѣ растворенныхъ воротъ заблестала изумрудами яркая зелень окрестныхъ садовъ.

Къ ночи дошли до предѣловъ послѣдней воды и передъ путешественниками развернулась въ своей